

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш65

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Фото автора на переплете YVONNE ВОЕНЛЕР

Шишкин, Михаил Павлович.

Ш65 Взятие Измаила : роман / МИХАИЛ ШИШКИН. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 338, [6] с. — (Михаил Шишкин: Уроки каллиграфии).

ISBN 978-5-17-120857-8

Роман Михаила Шишкина “Взятие Измаила” удостоен премии “Русский Букер”. “Я долго искал название для романа о преодолении, приятии жизни, такой же обсо-санной и заплеванной, как любой подвиг. Нельзя освободиться от России. Можно уехать куда угодно, хоть в Альпы, хоть в латиницу, но невозможно стащить с головы ушанку-невидимку. О маме, об отце, об их жизни, которую я не мог знать и не знал... И получается, роман о том, что умереть невозможно, если кого-то любишь”. (Михаил Шишкин).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120857-8

- © Шишкин М.П., 2000, 2019.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление, 2019.
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019.

.....

Франческа

ЛЕКЦИЯ 7-Я

*Narratio est rei factae, aut ut factae,
utilis ad persuadendum expositio.*

Quintilianus¹

В деле Крамер знаменитый Урусов добился оправдания подзащитной, несмотря на ее признание, на очевидную наличность *corpus delicti*² и даже на вытянутый из конверта и севший облачком на стол вещественных доказательств бездыханный чулок. После оглашения оправдательного приговора под восторженные рукоплескания зала Крамер подошла к своему удачливому защитнику, но вместо ожидаемой благодарности спаситель был удостоен звонкой пощечины. Эта оплеуха, прославившая до того никому не известную учительницу музыки, придала тогда пыл не одному перу, но развернувшейся в нашей печати дискуссии о нравственной дозвоительно-

1 “Рассказ обстоятельств дела есть правдивое изложение дела или того, что выдается за правду, с целью убедить слушателя”.
Квинтилиан (*лат.*).

2 Вещественные доказательства (*лат.*).

сти при защите вряд ли было суждено справиться со столь щекотливой субстанцией. И немудрено. Ибо защищая человечество, в любую минуту можно оказаться союзником беззакония, пособником безнравственности, укрывателем преступления, врагом правосудия. Вот ведь, даже сама созналась, что убила, а выходит, что и не убивала вовсе. Вся вина Урусова заключалась в том, что он рассказал историю Крамер своими словами. То, что якобы имело место быть, — где оно? Весь так называемый тварный мир текуч и бесплотен. Сегодня вы здесь, стряхиваете перхоть с плеч, а завтра — где вы? Другое дело слова. Что там было с этой дамочкой на самом деле — никто никогда не узнает, да и какая разница, но вот Урусов рассказывает, как подзащитная снимала платье через голову и волосы зацепились за крючок, — и оправдание становится неизбежным. Так в чем же тут его вина? *Nullum crimen, nulla poena sine lege!*¹ Нельзя облагать наказанием деяние, в момент совершения по закону не наказуемое. Деяние это есть сотворение мира. Представьте себе, мои юные друзья, что ничего нет. Абсолютно ничего. Ни вас. Ни меня. Ни этой не проветренной после предыдущей лекции аудитории. Ни вот этого огрызка мела у меня в пальцах, который только что скреб по доске, осыпаясь мучнистой стружкой. Ни времени, идущего посолонь и схватившего каждого за руку, мол, попался, теперь не убежишь, будешь у меня на ре-

1 Нет преступления, если закон не предусматривает наказания!
(лат.)

мешке. Ни метели за окном, слышите, как завывает? Абсолютная чернота. Пустота и тьма — необходимое условие для сотворения мира. Да еще ледяной сквозняк, да еще трясет, как в вагоне белебейской узкоколейки. И такая тоска! И вот все вроде бы для миротворения есть, потому что ничего нет, но чего-то не хватает. Какой-то искры, что ли. И вот эту тоскливую башкирскую черноту рвет вдруг искра. Сверкнув, гаснет. Потом снова искра, и снова, будто кто-то чиркает спичками, какое-то первосущество, прабог-искровержец, этакий Перун. Чиркает и ругается — отсырели. И тут у него из уха, или из бедра, как это принято в ранних, наивных, но, согласитесь, весьма трогательных мифологиях, во всяком случае не сравнить с бескрылым триединством, или, допустим, из пупка — все равно в такой темноте не разберешь — появляется его визави, всеночный сосед, бог-супротивник, живолоб и неслух, одним словом, Велес. Откашливается, ворочается, кряхтит, вздыхает и рождает время:

— Сейчас, наверно, уже около семи. Как бы не проехать!

А Перун трет глаза, зевает и разделяет словом свет и тьму:

— Еще немного — и будет светать.

И после этого сотворение заснеженной степи за студеным окном не остановить. Небо светлеет. Перун, закутавшись в одеяло, глядит на свой еще сумеречный, невнятный мир, и одного его взгляда достаточно. Посмотрит вниз — там уже скользят рельсы, мельтешат шпалы, посмотрит вверх — откуда ни

возьмись ныряют рассветные телеграфные провода, как будто детский карандаш рисует волны. Подумает только: “Деревня”, — и сразу что-то чернеется среди снегов, поднимаются к морозному небу столбами дымы. Прошепчет: “Чайку бы”, — а тут уже стучат в дверь:

— Вот я вам горяченького принес!

Подстаканник на вырост — стакан болтается, чай все норовит обжечь губу.

— Остановливаемся, — вглядывается в окно Перун, пальцы с куском сахара замирают над кипятком, вагон на стрелке швыряет, чай чмок рафинад, и по белому тельцу бежит чайное пятно.

— “Чебыри”, — читает Велес имя полустанка. — Вот ведь, и здесь живут люди.

Полустанок замедляет свой бег и, дернувшись, замирает. В клубах пара проходит под окном получеловек, за ним пробегают к концу поезда еще несколько полулюдей, обрезанных окном.

— Знаем мы эту жизнь, — отхлебывает Перун, дует, сгоняет пар, точно пенку. — Да ведь и за полярным кругом живут с женой-парашей — и то ничего. Кому где, Григорий Васильевич, срок дан, тот там и живет.

Полустанок снова дергается и сползает по стеклу назад.

— Вот вам и все Чебыри, — вздыхает Велес. — И поди попробуй кому-нибудь докажи, что они есть! Ничего, еще немного потерпим, годика два, три, и покончим со всем этим. Я выйду на полный пансион с эмеритурой, вы — на половинный, и заживем себе мирненько.

И опять за свое — бросят какое-нибудь словцо, вроде:

— Речка! — и тут же вагоны, боясь послушаться, коваными подметками по гулкому мосту, а внизу по пороше цепочка чьих-то следов сцепила берега.

Или:

— Подтяжки!

А те и рады стараться, тут как тут, свесились с верхней полки, возомнив себя маятником.

— Ну и дыра!

И стелется до коротко стриженного горизонта новорожденный белый свет. А там и Белебей. Вот и приехали.

Проводник, сунув чайный рубль в карман, крестит со ступеньки:

— Как говорится, не судите, да не судимы будете! Ни пуха вам ни пера!

— Пошел к черту! — Вагон тут же трогается. Проводник на ходу захлопывает дверь.

Платформа похрустывает под каблуками. За ночь подвалило снежку.

Из утреннего морозца, прикусив облачко пара, появляется Сварог, приехавший тем же поездом.

— Ну и ночка, господа, все кости болят. И сосед попался — вы такого храпа еще не слышали. В этой глуши, небось, и газеты не купишь.

Выездная сессия в купеческом клубе, напротив вокзала.

В зале натоплено, за двойными рамами колокольня со снежными погонами на крестах, от судебного пристава пахнуло кельнской водой, графин на пур-

пурной скатерти дробит гранями салатомые кафли печки-голландки.

Перун проверяет перед началом, все ли на месте — очки в футляре, лампада горит у иконы, портрет творца судебных уставов не крив, разворачивает завернутый в газету колокольчик с костяной ручкой.

Под бубнеж судебного пристава Велес точит бритвой карандаш, скоблит грифель, сдувает угольную пыльцу.

Сварог великодушно отмахивается от списка присяжных, поднесенного для отводов.

Перун опускает билеты в коробку, перемешивает и вынимает по одному, громко зачитывает, поднимая брови и качая головой, мол, с какими же только фамилиями не мучаются люди.

Приводят к присяге — недружный хор заунывно тянет “обещаюсь и клянусь”.

Батюшка кладет крест в Евангелие, заворачивает в епитрахиль и, сунув под мышку, уходит.

А вот и Мокошь. Вынула налитую грудь и кормит. Смотрит куда-то за окно, покачивается, напевает что-то. Поправляет своему свертку пеленочки. Видит, как косится приставленный новобранец с красными петличками внутренних войск — усмехается.

Добрались, наконец, до обвинительного.

— Третьего мунихиона сего года свидетельница такая-то, говорящая голосом ожившей спички, вышла утром во двор по нужде и увидела за соседским забором.

— Пригласите живовидицу!

— Да чего ее слушать, все понятно! С быком случается только бычье, с виноградом — виноградное.

— Тогда говори ты, Велес!

Встал, окинул взглядом ряды, неспешно снял часы с руки, положил их перед собой, оперся кулаками о стол, вздохнул.

— Увы, нынешний материальный век, заботясь о неприкосновенности тела, выдумал пытки для души. Чего только не наслушаешься и не насмотришься, поездив по таким вот белебеем! Нет, калибаны и калибанши существуют не только на безвестном острове под твердую власть Просперо. Ничему уже не удивляешься, потянув эту лямку двадцать лет. Одно слово — *obscuri viri!*¹ Никогда не забуду — накупили бабы на ярмарке зонтов и гуляют под ними, а как дождь пошел, зонты закрыли, чтобы не испортить, и подняли подола юбок на голову. Дикари! Убиваху друг друга, ядыху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху уводы девица, живах в лесах и срамословие в них пред отци и пред снохами! Еще когда служил под Оренбургом следователем, бывало, приезжаешь на убийство, а вместо характерной обстановки находишь в переднем углу покойника, как следует обмытого, избу прибранную как бы для праздника. Разводят руками: “Вашу милость дожидали, приубрались, уж больно безобразно было!” Да что про это говорить! Ни ум, ни сердце цивилизованного человека не способны воспринять, как можно оставить на морозе слепую мать! Вот так вот едешь, читаешь или мечтаешь о чем-нибудь под перестук колес, потом выйдешь на обледенелую площадку подышать воздухом, а там на

¹ Темные люди (*лат.*).

палец инеяросло. Надышишь, раздерешь пятаком в индевелых стеклах глазок в ночь, глядишь, как мимо ползут притоптанные угольки, и думаешь — вот, живет кто-то, может, сейчас как раз, в эту самую минуту, чай пьют, греются у печки, а там, оказывается, в сугробе вы замерзаете, ослепший от виденного, измученный от прожитого, забытый и ненужный, оставленный подыхать под Большой Медведицей. Думали-гадали — кто перед смертью поднесет попить. Вот вам ковшик! И ничего больше не останется, как просто присесть в снежок и всем все простить. По римскому закону матерубийцы подлежали утоплению в одном мешке с собакой, петухом, змеей и обезьяной. Будем же бороться с бактериями в общественном организме, пресекая опасную прогенитуру, очищая природу и облагораживая сердца!

— Слово предоставляется защите.

— Вы мне не верите и не поверите, во-первых, потому, что мою подзащитную вы давно уже мысленно осудили, а во-вторых, потому, что в ваших глазах я, которого вы видите впервые в жизни, уже наперед причислен к лику прелюбодеев слова. Вот, вижу уже улыбки на лицах мундирной магистратуры, мол, теперь начинается водевиль, мол, как заливаает — Балалайкин! Но мне надо кормиться. Нечего делать, нужно влезать в хомут. Если степень культуры определяется богатством получаемых впечатлений, то можно сказать, что чем женщина культурней, тем более разнообразится ее деятельность вообще и преступная в частности. Хочу поспорить с этим расхожим мнением. На той неделе на выездной сессии в Перелюбе судили неграмотную няньку.

Ее уволили, и, уходя, она погрозила хозяевам: “Бог вам пошлет, вот увидите!” И действительно, после ее ухода ребенок мучился четыре дня, пока не заметили, что один пальчик посередине туго перетянут волосом, а узел скрыт между пальцев. Волос вдавился в кожу, вначале принимали за порез, потом палец воспалился, началась гангрена. Но сегодня перед нами вовсе не столь очевидный случай. Живут вместе две женщины, мать и дочь, две несчастные исковерканные судьбы, обе хлебнули в своей безрадостной бестолковой жизни лиха, обе мечтали о простом женском счастье, но не выпало оно им на долю, а выпало мыкать женское горе. Мать под старость ослепла, и Мокошь выводила старуху из избы под руки во двор. И все бы ничего, да тут схватки, воды, роды и все такое прочее. От кого ребеночек? Да мало ли от кого. От римского легионера ли, от плотника ли, от луча с золотыми пылинками — не наше собачье дело! Так вот, исстрадалась, намучалась, заснула. Не все ведь как кошки рожают. Вот разбирали летом одно дело в окружном, Григорий Васильевич как раз обвинял, а я защищал по назначению от суда, так что не даст соврать — ядреная такая, спелая деваха скрывала от родителей, перетягивала живот, а тут время пришло. Родила мертвого и с испугу бросила в печку. Оперлась, рассказывает, на кухне о стол, а из нее что-то вывалилось. Вернула в бумагу от селедки — и в топку. Мать потом увидела замытые следы крови на полу, залили печку водой, достали полуобуглившийся трупик. Врач дал заключение, что младенец был доношен и жизнеспособен и что он некоторое время после родов